

СОДЕРЖАНИЕ

Митрополит Амвросий (Ермаков)

Вступительное слово 6

От издателей 9

ПУТЬ ПРАВОСЛАВИЯ 12

Пролог

Дорожные указатели 14

Глава 1

Бог как тайна 19

Глава 2

Бог как Троица 42

Глава 3

Бог как творец 62

Глава 4

Бог как человек 95

Глава 5

Бог как дух 124

Глава 6

Бог как любовь 146

Эпилог

Бог как вечность 184

СИЛА ИМЕНИ

Молитва Иисусова в православной

духовности 192

ТРАДИЦИЯ И ТВОРЧЕСТВО 232

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Владыка Каллист — настоящий гений, который жил среди нас. Таких действительно немного в мире, и митрополит Каллист был уникальным, одаренным человеком, способным рассказать понятно о едва уловимых вещах, о глубинах богословия, передать те чувства верующего о вере, которые мало кому удастся передать. Он мог выразить то, что обычно скрывается за сухими словами, остается нераспознанным из-за невозможности высказать. У владыки Каллиста это получалось.

Владыка Каллист (Уэр), митрополит Диоклийский был одной из самых выдающихся личностей православного мира в XX веке. Родившись в 1934 году в верующей англиканской семье, он перешел в православие в 1958 году, находясь под влиянием таких ярких богословов, как архиепископ Василий (Кривошеин), Николай Зёрнов и архимандрит Лев (Жилле). В 1966 году он принял монашество и священный сан, и с того времени его жизнь была неразрывно связана с Православной церковью и богословием.

Самая известная книга митрополита Каллиста, «Православная Церковь», вышла в свет в 1963 году, еще до принятия им монашества, и с тех пор многократно переиздавалась и переводилась на многие языки. Его вклад

в православное богословие и духовное просвещение сложно переоценить. В течение более 35 лет он преподавал православие в Оксфордском университете, будучи одним из немногих православных иерархов, кто занимал такую высокую академическую должность в западном мире.

В мою бытность ректором Санкт-Петербургской духовной академии владыка Каллист был нашим дорогим гостем. Я запомнил его как человека необычайно мудрого и глубокого, но при этом очень простого и доступного. Его личность и богословие оказывали и оказывают по сей день неизгладимое влияние на всех, кто имел счастье с ним общаться или читать его книги.

Митрополит Каллист скончался 24 августа 2022 года, оставив после себя богатое наследие трудов, которые продолжают вдохновлять православных христиан по всему миру. Его богословие сочетает в себе академическую строгость и духовную глубину, что делает его труды не только источником знаний, но и вдохновения для личного духовного пути. Особенностью его подхода была способность перевести древнее учение Церкви на язык современного человека, делая его доступным и понятным для всех, кто стремится к истине.

Книга «Путь православия» занимает особое место в его творческом наследии. Это глубокое размышление о том, что значит быть православным христианином в современном мире. Книгу отличает академическая емкость и пастырская теплота, что делает ее очень заметной на фоне иных богословских текстов. Лично для меня труды митрополита Каллиста стали важным источником вдохновения и поддержки в служении, в проповеди, в жизни. Чтение его книг помогает глубже понять православную веру и, что не менее важно, почувствовать, как жить по-христиански, по-евангельски в современной повседневной жизни,

без крайностей любого спектра, но с любовью и величайшим доверием к Богу. С любовью и богословским любопытством, которым обладал владыка Каллист.

Светлая память митрополиту Каллисту, его труды останутся с нами и будут продолжать освещать путь многим поколениям православных христиан.

*Амвросий (Ермаков),
митрополит Тверской и Кашинский*

Митрополит Диоклийский Каллист (Уэр; 1934–2022) был одним из наиболее значимых для западного мира православных богословов, сумевшим чрезвычайно доступно и увлекательно для ищущих Истину изложить вероучительные основы восточного христианства.

Тимоти Ричард Уэр родился в Англии, в графстве Сомерсет. После обучения в Оксфорде на классическом отделении он избрал восточную патристику своей специализацией: его докторская работа была посвящена богословию прп. Марка Подвижника. В 1958 г. Тимоти Уэр принимает Православие в лондонском соборе Константинопольского патриархата; при этом сильное влияние на это решение оказало его знакомство с деятельностью русской церковной эмиграции, в первую очередь — с Содружеством прп. Сергия и мч. Албания. Первым своим духовником он избрал прот. Георгия Шереметева, состоявшего в юрисдикции РПЦЗ, и некоторое время провел в монастыре Русской Зарубежной Церкви. В 1965 г. он становится диаконом, а затем более полугода проводит в монастыре Св. Иоанна Богослова на о. Патмос (Греция), где принимает монашеский постриг и священнический сан.

После возвращения в Англию он получает пост лектора по восточнохристианским исследованиям при Оксфордском

университете (до него этот пост занимал известный деятель русской церковной эмиграции Николай Зёрнов). На этом посту Каллист (Уэр) пробудет 35 лет, до выхода на пенсию в 2001 г. С 1979 г. о. Каллист возглавляет в Оксфорде греческий православный приход, в 1982 г. он избирается викарным епископом Константинопольского патриархата в Англии, помощником архиепископа Фиатирского, с титулом — епископ Диоклийский (с 2007 г. — митрополит).

На протяжении многих лет митр. Каллист читал лекции в Оксфорде, вел персональные занятия с учениками (которых наберется не одна сотня), окормлял свой оксфордский приход, активно участвовал в международном и межконфессиональном богословском диалоге. Очень значительны его труды в области перевода православных богослужебных и богословских текстов на английский язык. При его непосредственном участии были переведены «Минея месячная» и «Постная Триодь»; делом сорока лет его жизни стал перевод греческого «Добротолюбия», четыре тома издания из пяти были выпущены при его жизни, а пятый вышел в 2024 г. уже после кончины митрополита.

Владыка Каллист — автор множества статей на темы православного богословия и церковной истории; многие из них публиковались в качестве сборников. Несомненно, самым известным на Западе его трудом является вышедшая еще в 1963 г. «Православная Церковь», переиздававшаяся более 20 раз и переведенная на многие языки (есть и два российских издания). Именно по этой книге множество людей на Западе получают емкое и краткое представление о вероучении и каноническом устройстве семьи православных Церквей. Владыка Каллист как исследователь восточнохристианской мысли обладает несомненным даром вдумчивой систематизации, умением разглядеть и доступно выразить самое существенное, в последовательном логическом виде изложить содержание многовекового

духовного опыта Восточной Церкви. Именно эти свойства и проявляются в книге «Путь Православия» (первое издание в России называлось «Православный путь» (СПб., 2005)). Она отличается ясным и поэтичным слогом, глубиной мысли, яркостью и емкостью богословского видения. Это прекрасное введение в православное богословие, духовность и молитвенную практику.

В приложении размещены два примечательных текста владыки Каллиста. Его известная статья «Сила Имени», посвященная проблематике Иисусовой молитвы, очень тесно связана по смыслу с размышлениями о молитве и духовном делании в книге «Путь Православия». Второй текст, доклад владыки «Традиция и творчество», сделанный им совсем недавно, в 2020 году на богословской конференции «От Творца к творчеству: творчество с точки зрения богословия, педагогики и психологии», которая проходила в эстонском городе Тарту, можно расценивать как завещание владыки. Как всегда, простым и понятным языком он высказывает свои сокровенные мысли о взаимоотношении традиции и творчества в богословии, с помощью ярких запоминающихся образов убеждает читателя, что подлинное предание не избегает творческого обновления, но непременно включает его в себя. Этот текст стал одним из самых последних, написанных владыкой. 24 августа 2022 года митрополит Каллист отошел ко Господу.

МИТРОПОЛИТ КАЛЛИСТ (УЭР)

ПУТЬ ПРАВОСЛАВИЯ

ДОРОЖНЫЕ УКАЗАТЕЛИ

Я есть Путь, Истина и Жизнь

Ин. 14:6

Церковь дает нам не систему, а ключ; не план Божиего града, а средство войти в него. Кто-нибудь, может быть, и заблудится, не имея плана. Но все, что он увидит, он увидит без посредника, он увидит непосредственно, для него это будет реальным; тот же, кто только изучил план, рискует остаться вне и на самом деле не найти ничего¹.

Прот. Георгий Флоровский

Один из самых известных египетских отцов-пустынников IV века, св. Серапион Синдонит, как-то пришел паломником в Рим. Здесь ему рассказали об одной всеми почитаемой затворнице, которая никогда не покидала своей комнатушки. Понять, в чем достоинство такой жизни, Серапион не мог — по натуре он был странником, — поэтому пришел к затворнице и спросил: «Почему ты здесь сидишь и никуда не выходишь?» Она ему ответила: «Я не сижу. Я путешествую».

Я не сижу. Я путешествую. Наверное, это мог бы сказать о себе любой христианин. Быть учеником Христа — значит странствовать. Как говорили греческие отцы, мы — тот же народ Израилев, бредущий по пустыне, и живем не в домах, а в шатрах, ибо духовно мы всегда в пути. Он пролегает через

¹ Мелиоранский Б. М. Лекции по истории древнехристианских Церквей. Лекция 6 // Странник. 1910. С. 931. Цит. по.: Флоровский Г., прот. Соборность Церкви. Богочеловеческое единство и Церковь // Вера и культура. Избранные труды по богословию и философии. СПб: РХГА, 2002. С. 537–538. — Здесь и далее, кроме особо отмеченных, примечания переводчика.

сокровеннейшие пространства души, измеряется не стрелками часов или листами календаря, но ведет из времени в вечность.

«Путь» — одно из древнейших самоназваний христианства. «В то время произошел немалый мятеж против пути Господня», — читаем в Деяниях апостолов (Деян. 19: 23). О Феликсе, римском правителе Кесарии, сказано, что он «лучше многих» знал, «что такое Путь Господень» (Деян. 24: 22²). Это слово подчеркивает практический, деятельный характер христианской веры. Христианство — больше, чем очередная концепция мироздания, больше, чем просто «учение»; скорее, это тропа, дорога, по которой мы идем, в самом глубоком и точном смысле *путь жизни*.

Поэтому единственный способ понять, что такое христианство — ступить на тропу, полностью довериться этому пути, и тогда постепенно мы сами *откроем его для себя*; извне мало что поймешь. Разумеется, чтобы отправиться в путь, нужен путеводитель, надо понять, какие указатели искать, и, конечно, в пути не обойтись без спутников. Наконец, прежде чем выйти в дорогу, имеет смысл посоветоваться с более опытными путешественниками. Однако никакие «советы бывалых» не передадут суть пути, не заменят личный, непосредственный опыт. Каждый призван проверить на себе то, чему его учат, заново открыть и осмыслить вверенную ему традицию. Говоря словами митрополита Филарета Московского, «символ веры не станет твоим исповеданием, пока не начнешь им жить»³. В этом, важнейшем

² Перевод РБО; в версии King James Bible — “having more perfect knowledge of that way”.

³ Ср.: «Поколикы ты имеешь ее в Слове Божиим и в Символе веры, потолику она принадлежит Богу, Его пророкам, апостолам, отцам Церкви, а еще не тебе. Когда имеешь ее в твоих мыслях и памяти, тогда начинаешь усвоять ее себе; но я еще боюсь за твою собственность, потому что твоя живая вера в мыслях, может быть, есть только еще задаток, по которому надлежит получить сокровище, т. е. живую силу веры...» (Слово ССXXXI. По освящении храма Св. благоверного Александра Невского, 1839 г. // Свт. Филарет,

из всех путей, невозможно оставаться «диванным путешественником». Нельзя быть христианином вприглядку или понаслышке. У Бога есть дети, но нет внуков.

Как христианин, принадлежащий к Православной Церкви, я считаю нужным снова и снова напоминать об исключительной ценности *живого, личного опыта*. В наши дни православие нередко привлекает главным образом «святой стариной», «незыблемостью устоев», оно словно говорит нам: «я — ваше светлое прошлое». Но если воспринимать православную традицию всерьез, верность ей состоит не в бездумном воспроизведении риторики или обычаев предшествовавших столетий, но в том, чтобы принять вечно новое, обращенное к каждому, явное действие Святого Духа, совершающееся *в настоящем*, здесь и сейчас.

Описывая посещение деревенской церкви в Греции, Джон Бетчман¹ подчеркивает не только элементы древности, но и нечто большее:

*...Под сводами неясный мирный свет.
Здесь, где свеча — молитвенный обет,
Пылающие свечи озарят
Родных святых нелюбопытный взгляд
На древние иконы вдоль стены,
Где их мученья в сумерках видны
И трещинки, где дерево глядит
Сквозь золото, багрец и лазурит
От сотен припадавших с верой губ
Еще в четырнадцатом веке...
Так мощно древо древнее стоит,
Полито кровью, мужеством одето,*

.....
митрополит Московский. Творения. Т. IV. Слова и речи. 1836–1848. М.: Новоспасский монастырь, 2007. С. 122. — Прим. ред.
¹ Сэр Джон Бетчман (John Betjeman; 1906–1984) — британский поэт и писатель, один из основателей Викторианского общества.

*Корнями в почве Ветхого Завета.
Пренебрегая сложным утверждением,
Оно живет вседневным воскресеньем...²*

Бетчелман обращает внимание на все, что так дорого православной традиции, — зажигание свечей, символизирующее начало молитвы, «лазурь, багрец и золото икон», превращающих полутемную церквушку в небо на земле, почитание новомучеников, от времен османского ига до жертв коммунистического террора века двадцатого, чьей «кровью омыты живые корни древа, уходящие в дохристианскую глубь»... Между тем заметил он и другое: сквозь вековую «святую древность» проступает жизнь, «непрестанное воскресение»; именно оно придает православной традиции ценность и опыт. В конце концов, Христос не говорил: «Я — обычай», Он сказал иное: «Я есть Жизнь».

В том-то и состоит цель этой книги, чтобы показать глубинные истоки «непрестанного воскресения», подсказать, где искать самые важные указатели дороги, рассказать о главных вехах на этом пути. Я не ставлю перед собой задачу описать историю и современное состояние православного мира; об этом речь шла в книге «Православная Церковь»³, и, насколько возможно, я постараюсь не повторять сказанное ранее.

Мне бы хотелось не только познакомить читателей с основами православного вероучения, но пригласить их к совместному размышлению о вере как образе жизни и опыте молитвы. Подобно тому, как Лев Толстой назвал один из своих сборников «Чем люди живы», мою книгу можно бы назвать «Чем жив православный христианин». Возможно, в более ранние и канонически более строгие времена об этом рассказал бы классический катехизис для взрослых.

² Перевела с англ. Н. А. Доброхотовой-Майковой.

³ Русск. пер. исправленного английского издания: Каллист Уэр. Православная Церковь. М.: ББИ, 2012.

В отличие от катехизиса наш путеводитель не претендует на полноту. В нем почти ничего не говорится о Церкви и общности, о том, что такое «общение святых», о таинствах и смысле Литургии. Читатель не найдет здесь сопоставления православной традиции с опытом и учением других упоминающихся в книге христианских общин. Это также не входило в мою задачу; мне было важнее рассказать, что хорошего есть в православном исповедании, а не рассуждать, в чем, с нашей точки зрения, правы, а в чем заблуждаются католики или протестанты.

Чтобы мой голос не заглушил голоса других, более достойных свидетелей, я решил открывать и завершать каждую главу подборкой цитат. Краткие сведения об их авторах, а также источники приводятся в конце книги. Главным образом это фрагменты из богослужебных и святоотеческих текстов, по большей части дошедших из первых веков истории христианства, но есть и более поздние высказывания. Тексты, которые я цитирую в этой книге, в разное время для меня самого были «душеполезными словами», дорожными указателями, хотя в поисках Пути я многим обязан и другим, не упомянутым здесь авторам.

”*Луце и Клеоне во Еммаус спутешествовавый, Спасе, сие́ствуи и ны́не рабо́м Твои́м, путе́шествовати хотя́щим, от вся́каго избавля́я их зла́го обстоя́ния: вся бо Ты, я́ко Человеколюбец, мо́жешь хотя́й*¹.

26 сентября 1978 г.,
День святого апостола и Евангелиста Иоанна Богослова.

Архимандрит Каллист

¹ Молитва о путешествующих. Русск. пер.: С Лукой и Клеопой в Эммаус путешествовавший, Спаситель наш, пребудь и ныне с рабами Твоими, хотящими путешествовать, избавляя их от всякой опасности, ибо Ты, Человеколюбец, всё можешь сотворить, что пожелаешь.

БОГ КАК ТАЙНА

...нас считают безвестными, но нас знают все².

2 Кор. 6: 9

Бог не уловляем умом.

Если бы Он был уловляем, не был бы Богом³.

Евагрий Понтийский

Пришли однажды старцы к авве Антонию, и был с ними авва Иосиф. Старец, желая испытать их, предложил им изречение из Писания и стал спрашивать каждого, начиная с младшего, что значит это изречение. Каждый говорил по своим силам; но старец каждому отвечал: нет, не узнал. После всех он говорил авве Иосифу: ты что скажешь об этом изречении? Не знаю, отвечал авва Иосиф. Авва Антоний говорит: авве Иосиф попал на путь, когда сказал: не знаю⁴.

Достопамятные сказания

Ибо беседуя с Богом как друг с Другом, он дерзновенно предстоит перед лицом Того, Кто живет в свете неприступном (1 Тим. 6: 16)⁵.

Прп. Симеон Новый Богослов

❖ БЕСКОНЕЧНАЯ И БЛИЗКАЯ ВЕЧНОСТЬ

Что или Кто есть Бог?

Чем глубже продвигается идущий по духовному пути, тем ясней для него две противоположные друг другу истины —

.....
2 Совр. русск. пер. РБО.

3 *Evagrius Ponticus. De octo vitiosis cogitationibus*, IX // Migne, *Patrologia Graeca* (далее — PG), 40: 1275С.

4 Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Антоний, 17.

5 Симеон Новый Богослов, прп. Главы богословские, умозрительные и практические. Ч. II. Его же другие двадцать пять глав умозрительных и богословских, 9.

инаковость и вместе с тем близость вечности. Во-первых, он все глубже осознает, что Бог есть *Тайна*, «всецело Другой», незримый, непостижимый, абсолютно трансцендентный, превыше всех слов и всякого понимания. «Воистину, — пишет католический богослов Джордж Тайрелл¹, — новорожденный младенец знает об этом мире и его путях не больше, чем мудрейший из нас может знать о путях Бога, чья власть объемлет небо и землю, время и вечность». С этим полностью согласится любой православный христианин. Греческие отцы считали, что «Бог, доступный уму, — это не Бог». Таким образом, самонадеянно утверждая, что Бог постижим посредством лишь умственных усилий, мы превращаем его в созданного по нашему образу и подобию идола. Такое «божество» никак не будет истинным и живым Богом Библии и Церкви. Человек создан по образу Божию, а не наоборот.

Вместе с тем, и это во-вторых, — этот Бог тайны в то же время непостижимо близок к нам. Он наполняет все сущее, пребывает везде — вокруг нас и в нас самих, присутствует не как «тонкая материя» или безымянная сила, но личностно. Бог, который бесконечно превышает наше понимание, открывает Себя как *Личность*; каждого из нас Он призывает по имени, а мы отвечаем. Мы связаны с трансцендентным Богом *любовью*, подобной той, какая соединяет с самым дорогим для нас человеком. Другой может быть познан лишь во взаимной любви. Так же и с Богом. По словам Николая Кавасилы, Бог, «Царь наш... снисходительнее друзей, внимательнее властителей, любвеобильнее отца, родственнее членов, необходимее сердца»².

Таковы два «полюса» человеческого переживания Божественного. Бог — бесконечно далек и вместе с тем бесконечно

¹ Джордж Тайрелл (George Tyrrell; 1861–1909) — ирландский католический священник, богослов-модернист. — Прим. ред.

² Николай Кавасила, *св. Семь слов о жизни во Христе*. Слово IV, 131.

близок к нам. Рано или поздно мы обнаруживаем, что эти полюса не исключают друг друга: напротив, чем более мы приближаемся к одному полюсу, тем зримей для нас другой. По мере продвижения по духовному пути каждый из нас открывает, что Бог, становясь все ближе, оказывается все дальше, знаемый и вместе с тем неведомый — знаемый младенцами и непостижимый для блестящих богословов. Он — Сущий во «свете неприступном», и все же человек стоит перед Ним в уповании и любви, обращается к Нему как к другу. Бог — начало и конец нашего пути. Он — хозяин, радушно встречающий нас, когда мы завершим странствие, и верный спутник, проходящий весь путь с нами, или, по мысли Николая Кавасилы, — «и отдохновение на пути, и предел его»³.

Тайна — и все же личность. Вдумаемся в эти слова.

❖ БОГ КАК ТАЙНА

Этот путь начинается с благоговейного изумления, с переживания непостижимого, сверхъестественного — иначе мы не сделаем по нему и шага. Когда Сэмюэл Палмер⁴ впервые пришел к Уильяму Блейку, мэтр спросил его, с каким чувством он берется за кисть. «С трепетом и благоговением», — ответил Палмер. «Тогда из вас получится художник», — заверил Блейк.

Греческие отцы уподобляли встречу человека с Богом переходу по горам в тумане: сделал шаг — и вдруг видишь, что стоишь на краю обрыва, и под ногами — не твердая почва, а бездонная пропасть. Они сравнивали ее с ощущением человека, который провел ночь в темной комнате. Утром он открыл ставни — и тут же отпрянул, ослепленный на миг

³ Николай Кавасила, *св. Семь слов о жизни во Христе*. Слово I, 25.

⁴ Сэмюэл Палмер (Samuel Palmer, 1805–1881) — английский живописец и график, одна из ключевых фигур романтического направления живописи в Англии XIX века. — Прим. ред.

неожиданной вспышкой света. Нечто подобное переживаем и мы, когда лицом к лицу встречаемся с живой тайной Бога: все знакомые очертания исчезают, кажется, нам не за что зацепиться, наши «мысленные очи» ослеплены, привычные ощущения не срабатывают.

Для восточных отцов символы духовного пути — ветхозаветные праотцы Авраам и Моисей. Безбедно жившему на земле предков Аврааму было сказано: «Пойди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего в землю, которую Я укажу тебе» (Быт. 12: 1). Повинуясь Божиему зову, Авраам порывает с привычным жизненным укладом и отправляется в неведомое, без всякого представления о конечной цели пути. Бог повелел: «Пойди» — и он в вере повинуется. Моисею даются — одно за другим — три видения: сначала он видит Бога в неопалимой купине (см.: Исх 3: 2), затем Господь открывается ему в видении света и тьмы, в «столпе огненном и облачном», который «не отлучался» от народа Израилева, когда они шли по пустыне (см.: Исх. 13: 21), и, наконец, Моисей встречает Бога в «невидении» — во мраке на вершине горы Синай (см.: Исх. 20: 21). Авраам выходит из родного дома в неведомую страну; Моисей движется от света к тьме. Так, наверное, бывает с каждым, идущим по духовному пути. Мы движемся от известного к неизвестному, из света во мрак; не просто выходим из тьмы невежества к свету знания, но движемся дальше — от «света» частичного познания к большему знанию, которое коренится в таких глубинах, что его можно назвать «тьмой неведения». Подобно Сократу, мы начинаем понимать, как мало знаем¹. Теперь мы видим, что назначение христианства — не в том, чтобы дать простые ответы на все на свете вопросы, а в том, чтобы вплотную подвести нас к тайне. Бог — не столько объект

¹ «Я знаю, что ничего не знаю» — известная в передаче Платона фраза Сократа. — Прим. ред.

познания, сколько причина удивления. Григорий Нисский в размышлении над первым стихом восьмого псалма: «Господи, как величественно имя Твое по всей земле!» замечает, что имя Божие не познается, но «все ему удивляются»².

Приняв, что Бог несравненно больше всего, что можно сказать или помыслить о Нем, мы тут же сталкиваемся с необходимостью описывать его не только посредством простых суждений, но с помощью картин и образов. Наше богословие по большей части символично. Однако символы сами по себе не способны передать трансцендентность и инаковость Бога. Чтобы выразить *mysterium tremendum*³, нужно прибегнуть не только к утвердительным, но и к отрицательным высказываниям, описывающим, чем Бог «не есть». Без подобного отрицания — его называют апофатическим методом в богословии — наши размышления о Боге неизбежно зайдут в тупик. Все, что мы утверждаем о Нем, — конечно же, верно, но неполно и очень далеко от живой истины. Если мы говорим, что Бог благ или справедлив, тут же необходимо уточнить, что Его благость или справедливость не измеряется человеческой меркой. Сказав «Бог существует», мы должны немедленно оговорить, что Он — не один из многих существующих объектов, но применительно к Нему глагол «существовать» указывает на исключительность Его существования. Таким образом, утверждение уравнивается отрицанием или, как сказал кардинал Ньюмен⁴, мы постоянно «говорим и опровергаем». Когда мы утверждаем нечто о Боге, тут же следует себя оспорить — не потому, что наше суждение ложно, а потому, что полноту трансцендентного Бога не могут выразить никакие слова.

.....
² Григорий Нисский, *свт.* Точное изъяснение Песни Песней Соломона. Беседа 12.

³ Устрашающая тайна (лат.). — Прим. ред.

⁴ Джон Генри Ньюмен (John Henry Newman; 1801–1890) — кардинал, известный английский католический богослов. Канонизирован Католической Церковью в 2019 г. — Прим. ред.

Таким образом, духовный путь становится путем покаяния в самом глубоком смысле этого понятия. Греческое слово *metanoia* — покаяние — буквально означает «изменение ума». По мере приближения к Богу неизбежно придется «менять ум», решительно отказываться от привычных способов мышления о мире. Мы призваны обратиться не только волей, но «всем помышлением», выстроить внутри себя «обратную перспективу», перевернуть пирамиду, поставить ее вершиной вниз.

И тогда «мрак», в котором мы встретились с Моисеем, станет сияющей тьмой. Апофатическое «незнание» ведет не к опустошенности, а к полноте. Наше отрицание — это, по сути, утверждение «в совершенной степени», сверхутверждение. Отрицающий по внешней форме, апофатический подход в конечном итоге утверждает: он помогает прорваться за пределы всех наших положительных и отрицательных суждений, всех наших примыслений и языков — ко встрече лицом к лицу с живым Богом.

Об этом напоминает само слово «тайна». В строго религиозном смысле она предполагает не только «сокрытость», но и «открытость». Греческое существительное *mysterion* восходит к глаголу *tyein*, означающему «закрывать глаза и рот». В некоторых языческих мистерияльных культах инициация начиналась с того, что посвящаемому завязывали глаза и вели его по лабиринту, затем повязку неожиданно срывали, и он видел вокруг себя символы культа. В христианском контексте мы также понимаем «тайну» не просто как нечто скрытое, таинственное, как неразрешимую задачу. Напротив, тайна — нечто *открывающееся* нашему пониманию, ибо она ведет к глубинам или во тьму Бога. Наши глаза завязаны и вместе с тем открыты.

Итак, в рассуждениях о Боге как тайне мы приблизились к другому полюсу. Бог сокрыт от нас — и открывается нам: открывается как любовь и как Личность.